

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

**КУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ
И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ
ПРАКТИКА В ОБЛАСТИ
ПРАВ ЧЕЛОВЕКА
НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ
И В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ**

Препринт WP18/2011/03

Серия WP18

Права человека в современном мире

Москва
2011

УДК 342.7
ББК 67.400.7
К90

Редактор серии WP18
«Права человека в современном мире»
А.Л. Рябинин

К 90 **Культурные аспекты и правоприменительная практика в области прав человека на Дальнем Востоке и в Юго-Восточной Азии** : препринт WP18/2011/03 [Текст] ; Нац. ис-след. ун-т «Высшая школа экономики». – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2011. – 40 с. – 150 экз.

В работе рассматривается социокультурный контекст и правоприменительная практика в области прав человека в странах Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии. Показаны особенности ментальности, те философские и цивилизационные категории, которые заложены в сознании современных китайцев, корейцев, вьетнамцев. Данная работа нацелена на восприятие очень специфичных для европейцев, традиционных представлений, наложенных на современные представления о правах человека.

УДК 342.7
ББК 67.400.7

**Издание серии препринтов
«Права человека в современном мире»
осуществляется при поддержке
Фонда Фридриха Науманна (Германия)**

**Препринты Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» размещаются по адресу: <http://www.hse.ru/org/hse/wp>**

© Оформление. Издательский дом
Высшей школы экономики, 2011

Глава 1. Общий историко-социокультурный контекст проблематики прав человека на Дальнем Востоке и в Юго-Восточной Азии

С.А. Арутюнов, М.В. Карпов, К.В. Асмолов

Если рассматривать права человека «в общем», то человек имеет право абсолютно на все, что не причиняет непосредственного вреда здоровью, жизни и имуществу других физических и юридических лиц. В полном объеме права человека должны формулироваться именно так. То есть граница прав человека – это граница прав других: каждый имеет право на жизнь, поэтому его жизнь не должна подвергаться опасности, каждый имеет право на здоровье, поэтому его здоровью не должен наноситься ущерб.

Несомненно, концепция интеллектуальной собственности является пережитком, нелепостью, которая скоро отомрет благодаря Интернету. Это понятие должно стать столь же архаичным, таким же достоянием истории, как и понятие ведовства, посещения шабашей и наведения порчи. В Средние века большая часть смертных приговоров выносилась именно за эти преступления. Сегодня это как наказуемое деяние не может быть введено ни в один уголовный кодекс мира. То же относится и к так называемому «видеопиратству» и т.д. Чем скорее мы откажемся от понятий интеллектуальной собственности, авторского права, копирайта, тем лучше. Примерно так мы понимаем права человека. Право на информацию сегодня становится одним из самых важных прав. Джулиан Ассандж вступился за это наше право – право на правду против права на ложь. Спасибо ему за это. Скорее всего, он будет отбывать свой срок в американской тюрьме, так же как отбывают пожизненный срок Леонард Пелтьер или Джонатан Поллард. Но то, что они сидят, и есть нарушение прав человека и доказательство того, что США не являются страной с наивысшим уровнем прав человека.

Концепция прав человека – это некая площадка для дискуссий. Существует точка зрения, согласно которой концепция прав человека – порождение западного общества. Она восходит к базовому абстрактному мышлению западного человека. Понятие прав человека представляет собой очень высокий уровень ментальной абстракции. У китайцев, например, очень конкретное, предметное мышление. Если китайского крестья-

нина или даже интеллектуала спросить, что такое права человека, он не ответит или ответит что-то невнятное. Люди не ставят так вопрос – это западная абстракция. Западная цивилизация лидирует уже 300–350 лет и, несмотря на предсказания о «закате Европы», нынешний глобальный финансово-экономический кризис, пока не наблюдается закат цивилизационного лидерства Запада. По-прежнему мы работаем в западных параметрах, парадигмах и т.д.

Зарождение концепции универсализации прав человека связано с колониальным и постколониальным миром, с эпохой глобализации, когда человечество под влиянием распространения западной цивилизации стало в культурном смысле тем, чем является сейчас. Это продолжение цивилизационного лидерства Запада. Есть ли права человека в Японии и в Китае? На уровне конкретного мышления – да, есть. Отвечая на вопрос о том, возможна ли универсализация прав человека в Китае или Японии, следует заметить, что эту проблему надо ставить конкретному китайцу или японцу предельно предметно. Разговор в абстрактных категориях не получится. Предметный разговор даст возможность говорить на эту тему и с японцами, и с китайцами. Таким образом, универсализация прав человека – сугубо западный, колониальный и постколониальный концепт. Это не хорошо и не плохо, но то, что это некая цивилизационная экспансия на уровне абстрактных понятий – несомненно.

В Китае была эпоха Цзянь-Го, был Шан Ян, была школа фа цзя, был Цинь Шихуан. И фа цзя, и Шан Ян, и Цинь Шихуан были осуждены китайской историей прежде всего и *par excellence* как попиратели прав человека. Они были осуждены конфуцианством, когда учителя Куна не было уже несколько веков в живых. Тем не менее конфуцианством Ханьской эпохи они были осуждены, хотя конфуцианство Ханьской эпохи потом на протяжении веков, не афишируя это, вбирало в себя многие концепции школы фа цзя. Но в учении Конфуция есть понятие прав человека и его обязанностей. Потому что у человека есть обязанности, но и у других людей есть право ожидать того, что эти обязанности будут выполняться. В китайском языке существует понятие права на восстание, которое коррелируется с японским термином, означающим право на революцию. Это означает, что народ может отнять Мандат Неба у императора, если император не выполняет поставленных Небом перед ним обязанностей. Это очень большое и важное право. Понятие прав человека изначально присуще конфуцианству, нарушение этих прав исторически осуждалось уже во времена ранней династии Хань, одним из ба-

зисных коллективных прав людей как народа являлось право на переворот. Это право китайский народ реализовывал неоднократно.

Мы подходим к сущностному определению. Есть ли в дальневосточной цивилизации, которая в значительной степени распространилась и на Юго-Восточную Азию, влияние положительных прав человека? В качестве долга по отношению к кому-то, понятно, они есть. Но право как нарушение этого долга, как отрицание отрицания, но не как положительное право – это вопрос, требующий разрешения.

Китайская история циклична, однако там все очень сильно менялось со временем. Одно дело, что говорил Конфуций и его интерпретаторы, другое дело – что говорили официальные толкователи его текстов, как это ретроспективно в более близкий нам период изменялось. Все это совершенно не одно и то же. Изначально тематика прав человека в учении Конфуция прослеживалась, хотя, конечно, Конфуций не использовал понятие «права человека». Там было другое – концепция «*жень*», то, что А.М. Карапетянц переводит как «человеколюбие». Конечно, это не гуманизм в современном смысле. Это отношение к человеку, как к человеку. То есть вы, условно говоря, не собака, не свинья и не корова. Вы – человек, я выделяю вас из мира природы. Но при этом самооценности личности и самооценности позитивных прав здесь нет. Я не могу ударить вас по лицу, я должен быть по отношению к вам *жень*, и вы должны быть по отношению ко мне *жень*. Но позитивных прав здесь нет, это обязанность.

Что касается права на революцию, которое действительно изначально существовало, то оно уравнивалось другими очень мощными механизмами и на уровне практики, и на уровне доктрины. Дело в том, что китаец социализируется как элемент определенной социогендерной иерархии. Прообразом этой иерархии является семья. В семейной иерархии, вплоть до сего дня и в нашем обществе, концепция власти не утилитарна. Она сакральна в известном смысле, но нам не нравится термин «сакральный» применительно к современной семье. В любом случае, она не утилитарна. Китаец идентифицирует себя относительно центра власти в данной иерархии. И для него оппонировать данному центру власти в принципе все равно, что оппонировать самому себе. Для китайца любая иерархия на уровне абстракции – вещь сугубо позитивная. Для нас – нет, мы начинаем выбирать, хорошая иерархия или плохая. Они говорят, что любая иерархия в принципе – это семантический плюс, это всегда хорошо. Поэтому оспаривать центр иерархии – это то же самое,

что оспаривать самого себя. Опять же, в истории все это было по-разному, народ пользовался этим правом (насколько народ, насколько не народ – это другой вопрос), но право было. Но оно вместе с тем очень четко уравнивалось самим типом социализации, формированием определенной ментальности, механизмами самоидентификации и т.д. Здесь все достаточно сложно. В позитивном смысле прав человека не было.

По мнению Е.В. Волчковой, в конфуцианстве концепции прав человека или ее аналога не могло быть, потому что конфуцианцы считали основой регуляции общественных отношений ритуал и моральные установления. Моральные установления представляют собой механизм правильного урегулирования разных социальных ролей в иерархии. Не может быть конкретного человека и универсальных прав, потому что каждый человек – это сочетание разных моделей поведения: он отец по отношению к кому-то, сын по отношению к кому-то и т.д. Нельзя выделить какое-то универсальное право, потому что каждая ситуация уникальна. И поэтому индивидуальной личности как таковой быть не может, каждый человек не может быть свободен от системы обязательств, которой он связан. Отсюда право «*цюань*» трактуется и понимается как «право сильного», как власть, подтвержденная силой, и имеет спорные и скорее негативные коннотации с точки зрения морали.

Следует сделать еще одно важное замечание. Есть два очень важных понятия именно для нас, с точки зрения универсализации прав человека. Это понятия «*кэ*» и «*тун*». В конфуцианстве более или менее близка к понятию прав человека концепция «*кэ*», которая означает, условно говоря, что музыка делается из разных нот, а блюдо – из разных ингредиентов. И получается комплексный звук. Если пытаться осознать единый вкус или музыку из одной ноты, это не будет хорошей музыкой или хорошим блюдом. Единство достигается в многообразии, за счет того, что система более сложна и состоит из разных элементов, и попытки ее излишнего упрощения, универсализации, полагались Конфуцием неправильными.

Еще очень важный вопрос: насколько правильно понимаются на Дальнем Востоке права человека? На Дальнем Востоке иные модели, иное понятие долга и справедливости. То, что традиционно у нас называется министерством юстиции (справедливости), на Дальнем Востоке называлось «министерством наказания». И здесь я хочу обратить внимание на очень важную деталь – иероглифическое письмо, у которого возникают определенные проблемы с передачей кардинально новых понятий. Я по-

лагаю, что китаисты помнят, как по-корейски иероглифами записывается слово «сова» или «филин». Если буквально взять иероглифы, то получится «кошкоголовый орел». Естественно, что человек, который никогда не видел филина, имеет шанс, прочитав эти иероглифы, представить себе некоего орла с головой сиамской кошки и быть абсолютно уверенным в том, что филин так и выглядит, если у него нет возможности увидеть настоящего филина.

Проблемы возникают при переводе этих терминов на китайский язык. Например, термин «свобода». Были определенные споры относительно того, как правильно переводить – «*дзи джи*» или «*дзи ю*». Многим кажется, что отвергнутый вариант «*дзи джи*» точнее передавал европейское понимание свободы, в то время как «*дзи ю*» скорее означает «вольность». Как в русском языке есть понятия «воля» и «свобода». Хорошо ли мы понимаем, чем *liberty* отличается от *freedom*? И когда мы говорим о восприятии прав человека, мы всегда должны помнить о том, что они воспринимаются как некий иной элемент и всегда есть шанс, что эти понятия будут поняты неправильно. При этом чем чаще мы пытаемся адаптировать это к традиционной модели, тем чаще у нас, условно говоря, вместо христианства получается вуду, когда мы начинаем объяснять, что Иисус Христос – это то же самое, что Матипумба, только он белый и его распяли.

Также всегда существует проблема перевода. И необязательно дело упирается в иероглифы. Это, скорее, специфика языка, чем письменности – письменность может быть любая, в конце концов, приспособленная. И китайский язык можно записать любыми символами, хотя они будут достаточно сложны, так как необходимо соблюдать тоны. Достаточно взглянуть на современный вьетнамский текст, чтобы понять, с одной стороны, насколько сложна фонетическая запись вьетнамского языка, а, с другой стороны, что она, тем не менее, вполне возможна и осуществима.

Есть языки, которые стоят на позициях крайнего пуризма, в частности армянский язык. В армянском языке очень мало интернациональных слов римско-греческого происхождения. В основном вся армянская терминология базируется на древнеармянских текстовых источниках. Я не знаю, как по-армянски филин, но я знаю, как по-армянски «лама», перуанская лама. В Армении никогда даже в зоопарке не было ни одной ламы, но, тем не менее, слово «лама» в армянских учебниках по зоологии есть. Лама по-армянски будет «*айц-ухт*», т.е. «козел-верблюд». А «пума» пе-

реводится как «*кату-арюц*», от «кату» – кошка и «арюц» – лев, т.е. «кошко-лев». А «этнография» по-армянски будет «*азгагрутюн*», т.е., строго говоря, описание lineage или патронимии, а даже не племени, не этноса или народа. Каждому армянскому крестьянину понятно, что такое «азг». Это нелинейная регрессия. Есть какой-то предок, и все, кто от него произошел, носят фамилию по имени этого предка. Азги дробятся, делятся, почкуются. Тем не менее этнос кто-то перевел именно термином «азг». Хотя есть другое армянское слово «джоург», означающее «народ», этнография называется «азгагрутюн». Так что проблемы перевода всегда ситуативны, всегда случайны и вряд ли так уж тесно связаны с иероглифической письменностью.

Глава 2. Культурно-религиозный контекст понимания прав человека в Индонезии и Малайзии

А.Ю. Другов

Если говорить об Индонезии, то в этой стране мы имеем несколько слоев религиозной культуры. Изначально на этих территориях исповедовался анимизм, потом пришел индуизм с его кастовым неравенством, затем ислам, и не под зелеными знаменами и кривыми ятаганами, а с мирными купцами и проповедниками. С исламом пришло равенство – все равны перед Богом. Это то, что привлекало в раннем христианстве, а применительно к Индонезии – в исламе. Потом пришло христианство, но оно пришло с колонизаторами и при всех своих достоинствах воспринималось населением довольно ограниченно. В условиях колониализма вопрос о равенстве и правах человека понятен: есть белые со всеми правами и есть колонизованный народ с отсутствием прав. Затем очень короткий промежуток революционного энтузиазма, когда они чувствуют себя субъектами исторического процесса. Но это чувство обращено во вне, против империалистов и колонизаторов, оно не обращено на внутреннее устройство страны, на отношения между людьми.

Мы говорим о понимании прав человека, их содержании, но главное, это их востребованность. Нужно, чтобы общество, или хотя бы его элита, доросло до ощущения востребованности прав человека. И вот тут как раз, с 1950-х годов, начинаются четыре десятилетия авторитаризма, сначала просвещенного и весьма гуманного режима Ахмеда Сукарно, затем кровавого режима генерала Мухаммеда Сухарто. Дело не только в том, что гибнут люди, но и в отсутствии самой идеи о том, что могут быть какие-то права человека. Она не пришла ни с религиями, ни с новой национальной администрацией.

А. Сукарно вводит пять принципов *«панча сила»*. Первым принципом выступает вера в Единого Бога Вседержителя, а вторым – гуманизм. Корень этого слова в индонезийском или малайском языке *«manusia»* абсолютно идентичен слову *«human»*. И Сукарно вводит этот принцип, но этого недостаточно. Нужны люди, которые ощущали бы потребность в этом гуманизме. Причем права человека – это не просто гуманизм. В конце концов, и рабовладелец может быть гуманным по отношению

к рабам. Это еще и политическое участие, это еще и человеческая личность – весь комплекс подобных вопросов, чего в индонезийской культуре прежде не было.

Когда в 1998 г. был свергнут военный режим и началась либерализация, произошло то, что великий русский историк С.М. Соловьев охарактеризовал фразой «Тюрьма не воспитывает для свободы». Нельзя было себе представить, сколько вырвавшихся из тюрьмы глотнут свежего воздуха. И прежде всего к свободе была не готова индонезийская элита, коррумпированная и распавшаяся на кланы. Есть очень приличные люди, но они не характеризуют элиту в целом. И тогда у людей начинается инстинктивный поиск чего-то надежного, доброго, хорошего. Этот поиск начинается, естественно, в исламе. Думаю, что мои наблюдения, к сожалению, окажутся более чем актуальными в свете того, что мы сейчас наблюдаем на Ближнем Востоке. В исламе то же равенство, то же милосердие (закят). Конечно, это еще не права человека, потому что если ты попробуешь сменить религию, то тебя могут даже и убить, а если женщина будет во время поста просто торговать вареным рисом, то ее будут публично бить палками, потом сфотографируют, а снимки опубликуют в газетах. Это еще не права человека, но здесь хоть какое-то подобие равенства перед Всевышним и юридическая определенность – я, по крайней мере, знаю, что делать, чтобы меня не били, в отличие от произвола военного режима.

Может пройти очень много времени, пока, с одной стороны, возникнет востребованность прав человека, а с другой, что очень важно – осознание того, что права человека и ответственность – суть одно и то же. Уже говорилось о том, что «мои права кончаются там, где начинаются права другого».

Индонезия сейчас демонстрирует такой поиск – это очень патриархальная страна. Но страна эта интересна еще и тем, что на данный момент в ней уже признано шесть религий – ислам, протестантизм, католицизм, индуизм, буддизм, недавно признано еще и конфуцианство. Эти шесть религий должны мирно сосуществовать, однако не всегда это получается. И дело здесь не в том, что мусульмане говорят, что Бог один, а христиане настаивают на том, что Бог един в трех лицах. Разногласия начинаются с того, что представители различных религий вторгаются в экономические, хозяйственные ниши друг друга. А раз ты меня обидел, то это случилось не потому, что я не занял эту экономическую нишу, а потому, что я принадлежу к другой религии. Человек «плохой», потому

что он принадлежит к другой религиозной конфессии. Поэтому происходят погромы церквей и мечетей. Признание права человека исповедовать свою религию и не подвергаться за это преследованиям требует определенных социальных преобразований и усилий со стороны элиты и государства по их организации.

Американская «проповедь» прав человека в Индонезии дискредитирована, потому что воспринимается как фарисейство. Как могут восприниматься слова о правах человека со стороны США, если в 1965 г. резидентура ЦРУ давала военным списки коммунистов на убиение. В 1975 г. Дж. Форд и Г. Киссинджер «вравили» Сухарто в восточнотиморскую агрессию, а когда СССР прекратил существование, и американцы перестали нуждаться в Сухарто как в союзнике, они обвинили его в нарушении прав человека в Восточном Тиморе, хотя прекрасно знали, что такое индонезийская армия.

Рядом с Индонезией находится Малайзия, очень похожее на Индонезию во многих отношениях государство, близкородственное религиозно и этнически. Несколько лет прошло с тех пор, как в Малайзии по приговору суда была наказана палками известная актриса и модель. Де-факто этот приговор не был приведен в исполнение. Преступление ее состояло в том, что она в холле отеля выпила стакан пива. При этом пиво в Малайзии производится, и пить его никому из немусульман, ни китайцам, ни европейцам, ни индийцам, не возбраняется. Его можно спокойно купить и пить в публичном месте, если ты не являешься мусульманином. В Индонезии нет такого формального различия прав между людьми разных религий, как в Малайзии. Трудно сказать, какая из стран более либеральна, Индонезия или Малайзия. Малайзия, которая в индустриальном, экономическом и даже в образовательном плане стоит несколько выше и более развита, чем Индонезия, в этом отношении более архаична.

Дело здесь в том, что законы шариата, как известно, распространяются только на мусульман. То есть если я буду пить и есть во время поста на глазах у людей, меня просто сочтут очень плохо воспитанным человеком. Ни один китаец-немусульманин никогда этого делать не будет. Не потому, что его могут побить, просто ему придется жить в этой стране. В русском языке по этому поводу есть очень хорошее выражение «от людей стыдно».

Следует отметить еще один момент: в Индонезии сейчас произошла децентрализация управления. Некоторые области ввели у себя шариат,

в частности Северная Суматра, а некоторые – нет. В ряде областей шариатской полицией преследуется проституция. Причем проституция не только мусульманок, а как таковая. При этом полиция называется шариатской. У Малайзии есть одна особенность – большая сплоченность мусульман между собой ввиду того, что в стране более 40% китайцев. Мусульманам надо быть друг с другом заодно, иначе богатые и предприимчивые китайцы их «задавят». Еще в Малайзии 12% индийцев-тамиллов, но у них своя экономическая ниша. Поэтому мусульмане держатся, не занимая сколько-нибудь подобающей им ниши в экономике – ислам в какой-то степени является скрепляющим фактором. Хотя, надо сказать, порой это скрепление производится достаточно жестокими методами.

Представляется необходимым выяснить ситуацию с правами человека в Индонезии еще и для того, чтобы извлечь определенные уроки для себя. Так, неприязнь к выходцам с Кавказа в России началась с того, что с подачи российской бюрократии кавказской мафии удалось занять рынки, т.е. причины межнациональной розни сугубо экономические – монополизация торговли. Только потом начались разногласия на национальной и религиозной почве.

Глава 3. Регионализация прав человека в контексте политики Вьетнама и АСЕАН

А.С. Воронин

Вначале следует высказать замечания общего порядка о критериях «прав человека» в международном праве и их научной классификации. Если мы будем «фантазировать» на тему научной классификации прав человека, то мы размоем сам предмет. Права человека уже определены основными документами Организации Объединенных Наций, в том числе Уставом ООН. Есть документы, конкретно определяющие, что такое права человека в политической, экономической, социальной сферах, скажем, в Европе. И проблема здесь в использовании этих критериев и общечеловеческих трактовок понятия прав человека применительно к региону Юго-Восточной Азии. Поэтому если мы будем придумывать какие-то еще права человека, то мы будем размывать предмет: следует опираться на те права человека, которые уже определены в документах ООН и закреплены международным правом.

В этом смысле вьетнамцам, наверно, повезло, так как главный вьетнамский идеолог, Хо Ши Мин, соединял в себе в силу факта биографии идеологию французских социалистов в области прав человека. И если мы возьмем все политико-идеологическое творчество Хо Ши Мина в 1920–1930-е годы, те выступления, которые публиковались в газете «Le Paria» во Франции, то они на 98,5% посвящены вопросам прав человека, их нарушения и защиты. И первым документом, опубликованным Хо Ши Мином уже в качестве президента независимого Вьетнама, как известно, была Декларация независимости, которая начинается словами американского документа и является по существу интерпретацией Европейской декларации. Раньше мы этого не знали, вьетнамцы скрывали этот факт, но сейчас, когда отмечалась 120-я годовщина со дня рождения Хо Ши Мина, в одной из конференций участвовала пожилая дама из США. Она работала в Управлении стратегических служб (предшественнике ЦРУ). В Ханое работали американские спецслужбы. И Хо Ши Мин, написав Декларацию, прежде чем ее опубликовать, показывал американцам и советовался с ними. Они подсказали ему, как сделать так, чтобы этот документ звучал наиболее понятно не только для вьетнамцев, но и для «мирового сообщества», т.е. для западного мира. И все последующие акты вьетнамского правительства были, в сущности, реализацией тех прав человека, которые были записаны в этой Декларации. Это борьба

с голодом, неграмотностью и болезнями. Все это излагалось очень примитивным, простым языком, с учетом аудитории. Эти документы были в то же время поняты и приняты, прежде всего, французской левой общественностью – социалистами и коммунистами. По крайней мере, они были приняты и поняты цивилизованной и образованной Европой.

Поэтому, когда мы говорим о правах человека, речь может идти не об экспансии – такой подход есть у ряда американских философов и социологов. Они фактически навязывают свое представление об этих правах вместо общечеловеческого, которое закреплено в документах международного права, де-факто ставя право Соединенных Штатов Америки над международным правом.

Следует обратить внимание на один очень интересный сюжет. Речь идет о проблеме регионализации прав человека. Это сравнительно новое явление, ему не более 10 лет. Может быть, оно не до конца всеми признается, но все же имеет место быть. Если говорить об АСЕАН, то впервые проблема прав человека была очень четко сформулирована в Хартии АСЕАН, причем этот документ был подписан всеми первыми лицами стран-членов, в том числе индонезийским президентом. И что интересно, это было сделано с подачи вьетнамцев.

Эта Хартия состоит из трех «корзин»: политика и безопасность, экономическая «корзина», и именно вьетнамцы предложили создать еще одну корзину – социокультурную, где все права человека были максимально подробно прописаны. Для чего это сделано: во-первых, важно, что европейские нормы о правах человека внедряются в сознание народов Юго-Восточной Азии. Конечно, права человека – это европейское изобретение. Даже если мы говорим о Соединенных Штатах Америки, с идеологической и философской точек зрения это как бы «филиал» Европы, как Россия – «филиал Парижа». Во всяком случае, это единое философское и идеологическое пространство. Таким образом, применительно к Юго-Восточной Азии можно сказать, что налицо регионализация прав человека.

Во-первых, удивительно, что все права человека сводятся к праву свержения того или иного режима. В документах ООН это нигде не зафиксировано. Это очень интересное размышление, но я вижу, что в самом термине «права человека» речь идет не о праве, а о правах, и сводить все права к свержению того или иного режима – довольно-таки странная позиция. Во-вторых, кто является источником права. Это, конечно, не деятели науки, и не та или иная страна или международная организация. Источником права, прежде всего, является сам народ.

Необходимо вспомнить о событиях в Бирме в мае 2008 г., когда там произошло разрушительное наводнение. Американцы утверждали, что военный режим не справляется с ситуацией и его необходимо свергнуть, а затем провести гуманитарную операцию по спасению бирманского населения. Реакция АСЕАН была однозначной: даже близкие союзники США, Сингапур и Индонезия, выступили против гуманитарной интервенции. АСЕАН создал собственные механизмы для решения этой проблемы, и проблема в итоге была решена при помощи ООН.

Эти явления в правоприменительной практике достаточно новые, но они подтверждаются конкретными действиями данной региональной организации. Необходимо подчеркнуть: использование прав человека той или иной страной или организацией вне данного региона воспринимается крайне негативно самой АСЕАН и входящими в нее странами. И более того, регионализм благодаря этому даже крепнет, выступая формой самозащиты населения этих десяти стран от интервенции. Вмешательство подобного рода воспринимается как непонимание внерегиональным субъектом специфики этих стран, в том числе в области прав человека.

Различные представления о правах человека существуют не только в Юго-Восточной Азии, но и в Европе. Сейчас актуальна проблема миграции. Во Франции она стоит очень остро, и все следили за той дискуссией, которая развернулась там вокруг этого вопроса, в том числе вокруг различия в правах человека между мигрантами и коренным населением. Существует как бы два типа людей: «недочеловек» в каком-то смысле слова, т.е. мигрант, и человек, т.е. коренной житель Франции.

Этот «люфт» существует везде, даже в целях Декларации тысячелетия. В 2000 г. были приняты восемь целей в области развития – тот минимум в отношении развивающихся стран, которого они сами должны добиваться к 2015 г. по сравнению с развитыми странами. Этот факт признан Организацией Объединенных Наций и всеми правительствами. В данном факте ничего опасного нет – разница в уровне прав человека лишь отражает реальную ситуацию в той или иной стране, регионе. Вопрос в динамике, т.е. важно в какую сторону развивается ситуация. Для примера можно взять ливийский режим Муаммара Каддафи, где наблюдался регресс, и какую-либо страну, в которой ситуация в области прав человека выглядит не столь «красиво», как во Франции, но при этом наблюдается положительная динамика. Для реализации прав человека нужны не только разговоры, но и огромные материальные средства.

Глава 4. Права человека и проблема сосуществования двух государств на Корейском полуострове

К.В. Асмолов, Е.Е. Ким

Следует отметить несколько очень интересных моментов. Во-первых, мы подошли к вопросу, который очень неприятен и очень неполиткорректен: являются ли общечеловеческие ценности действительно общечеловеческими? То есть существует ли некий набор универсальных ценностей, который приемлем для всех, или есть некий набор, который действительно приемлем для всех, и есть определенная региональная эндемика? Во-вторых, в контексте приведенной А.Ю. Друговым цитаты С.М. Соловьева следует отметить, что все прекрасно знают, что и как надо говорить, чтобы тебя приняли «за своего». Так, боевики в Косово очень легко освоили необходимую терминологию. Это выглядит так: теперь нельзя есть людей на улицах и нашего правителя теперь мы называем не «Великий Ганго», а «господин Президент», и раз в четыре года мы его ритуально переизбираем. Понятно, что мало что меняется на самом деле, и здесь есть очень интересный опыт.

В 1960–1961 гг. в Республике Корея была провозглашена Вторая республика после свержения диктатуры Ли Сын Мана. Те люди, которые оказались на гребне волны, не были популистами и коррупционерами, в целом принадлежали к действительно проамериканской либеральной интеллигенции и более или менее понимали, что такое права человека, на уровне различия христианства и вуду. И честно пытались права человека в рамках либерально-демократической модели воплотить в жизнь в Корею 1960 г. В результате меньше чем за год страна оказалась в полном хаосе, после чего пришел Пак Чон Хи и все исправил. И определенное понимание того, что такое гражданское общество, демократия и права человека, стало появляться в конце 1980-х годов.

Здесь был действительно поставлен очень важный вопрос: о правах *какого* человека идет речь? Мы вспоминаем, что есть термин «демократия», но что означает термин «демос»? Это опять-таки не каждый человек, это мужчина, житель Афин с определенным цензом, т.е. не любой человек, а человек подготовленный, мотивированный и ответственный. И, соответственно, многие полагают, что нормальное общество, постро-

енное на соблюдении прав человека – это общество, в котором есть нормальные структуры гражданского общества, средний класс, который многочислен, мотивирован и что-то понимает. И вот тогда мы можем говорить о нормальном правоприменении этой модели.

Следующая проблема, которую мы отчасти затронули – проблема равенства, потому что равенство строится на основе общих культурных кодов. Условно говоря, мы не можем уравнивать в правах людей и белок, дав им равное количество орехов на завтрак и равный доступ к компьютеру для того, чтобы проверять электронную почту. Поэтому проблема универсализации прав человека слишком часто выглядит попыткой навязать определенный набор ценностей, назвав их общечеловеческими. Потому что есть стандартная ошибка малой группы. Если я полагаю, что это для меня приемлемо, и все мои друзья полагают, что это приемлемо для них, то очень легко прийти к выводу, что раз это приемлемо для нас, это будет приемлемым для всех. Но это не так.

О корейском опыте можно говорить очень много, потому что, с одной стороны, у нас есть Юг, который в определенной мере является наиболее вестернизированной страной Азии, а, с другой стороны, есть Север, который на определенном этапе был идеальной антиутопией, а сейчас ею не является. Там все значительно сложнее, чем кажется на первый взгляд, потому что не стоит верить ни северокорейской, ни антисеверокорейской пропаганде, которой очень много. Прежде чем перейти к данной теме, следует отметить, что есть стандартное представление вне среды востоковедов о том, что на Корейском полуострове два государства: одно исключительно тоталитарное, другое – абсолютно демократическое. Где тоталитаризм, а где демократия – позиция на этот счет в советской и российской печати менялась, но даже сейчас по данному вопросу нет однозначного мнения. На самом деле, одно государство крайне тоталитарное, другое – умеренно тоталитарное.

Следует определить, какое из двух корейских государств тоталитарное, а какое демократическое. В Северной Корее в 1946 г. были приняты законы о равенстве мужчин и женщин, о запрете на телесные наказания детей. В Южной Корее решение о запрете телесных наказаний детей было принято только в прошлом году на уровне провинций, потому что в этих провинциях на должность суперинтенданта по вопросам образования (должность, избираемая населением, как и мэр города) были избраны демократы, которые добились этого запрета. В провинции Кёнги-до летом, а в Сеуле в ноябре 2010 г. были приняты местные законы, за-

прещающие физическое наказание детей в школе. До этого учителю можно было наказывать детей как угодно. Если этот запрет введен в КНДР в 1946 г., а в Южной Корее в 2010 г. – которая из этих двух стран более демократическая?

Другой пример: в Южной Корее формально уравнили в правах женщин с мужчинами только в 2005 г., потому что лишь в 2005 г. была ликвидирована система глав семейств, которая исключала женщину из того рода, в котором она родилась. Когда женщина выходила замуж, ее исключали из рода, она переходила в род своего мужа, и на нее не распространялось наследственное право. Но до сих пор в Южной Корее при разводе дети остаются у отцов. Недавно суд Сеула приговорил одну известную актрису к двум годам тюрьмы за то, что она призналась в одном из интервью, что несколько лет назад изменила мужу. В Корее до сих пор за измену мужу положено уголовное наказание. За измену жене – тоже, но для этого нужны показания свидетелей и другие доказательства. Очень трудны основания для развода. В течение 15 лет в Южной Корее существовало правило, по которому заработная плата работника переводилась на счет его жены во избежание растраты – вся заработная плата шла в семью.

По Южной Корее хотелось бы отметить еще одну деталь. Может быть, режим, который установили военные, был во многом оправдан, потому что уровень образования и квалификации населения Кореи 1960-х годов был очень низким. Конец 1950-х – начало 1960-х годов – период нищеты, воровства, которого в России и не видели. В условиях низкого уровня жизни не до морали. С необразованными, неквалифицированными людьми невозможно построить нормальное гражданское общество.

Пак Чон Хи за 18 лет своего правления сделал многое: он воспринял практику, принятую в Северной Корее, когда особые привилегии давались людям с техническим образованием – инженерам и техникам. И уровень образования и квалификации людей стал повышаться, в конце 1970-х – начале 1980-х годов было организовано вечернее обучение. В результате в конце 1980-х годов страна вышла на уровень, который позволял производить конкурентоспособную продукцию. Еще одно очень интересное его начинание – борьба с преступностью. В 1961 г. после революции, в результате которой был свергнут Ли Сын Ман, в Южной Корее была такая же ситуация, как в России до 1995 г. – невероятный разгул бандитизма. Военный переворот за год решил эту проблему полностью. Сейчас Южная Корея – самая безопасная страна с точки зрения

личной безопасности. Естественно, там есть преступность, которая еще более выросла после того, как страна стала демократической, но организованной мафии, как в России, там нет. Для этого нужна только политическая воля. Военные без суда выселили всех главарей преступных группировок на остров. Все контакты были обрублены, и сеть перестала существовать. Когда-то в России ссылали в Сибирь, но сейчас, при современном уровне развития коммуникаций, это невозможно. Во всяком случае, порядок был наведен, и мелкий и средний бизнес не страдают от рэкета и рейдерских захватов.

Конечно, когда какого-либо политического лидера «ловят» на том, что он использует казенные деньги, он подает в отставку. Но есть определенные люди, которые могут получить наказание, но избежать его путем сделки с правосудием. Например, хозяин фирмы Hyundai Motors, одной из самых успешных компаний, или хозяин Samsung Electronics, компании с оборотом более 100 млрд долларов. Оба получили наказание за создание специального фонда для подкупа политических деятелей, хозяин Hyundai Motors даже какое-то время отбывал наказание в местах лишения свободы. Однако оба приняли решение пожертвовать на социальные нужды по 1 млрд долларов. После этого президент их помиловал.

Наказание за коррупцию в Южной Корее достаточно серьезное. Официально борьбу против коррупции в Южной Корее объявил в 1993 г. первый гражданский президент страны Ким Ён Сам. Сейчас коррупция в стране не столь масштабна. Раньше речь шла буквально о грузовиках с деньгами, а сейчас «всего лишь» о суммах порядка 15–20 тыс. долларов. Это очень серьезная проблема, на этом «горят» карьеры политических деятелей. В частности, когда господин Ли Мен Бак, нынешний президент Южной Кореи, представлял кандидатуру нового премьер-министра, его не назначили по причине коррупции. Также имел место известный «Кореягейт» в США, когда высокопоставленный южнокорейский дипломат ходил в Конгресс США с мешком денег, раздавая конверты.

В 1990 г. ВВП на душу населения Кореи составлял приблизительно 4 тыс. долларов. В то время там профессора и преподаватели чувствовали себя очень хорошо, у всех было жилье и машины, они могли приглашать профессоров из других стран с полной оплатой. Сейчас в России, по данным Росстата, ВВП на душу населения составляет 13 тыс. долларов, в Южной Корее – 20 тыс. долларов. Российские академические институты, например, Институт востоковедения, Институт Дальнего Вос-

тока или ИСАА, не имеют возможностей для приглашения профессоров из других стран.

Что касается Северной Кореи, то, конечно, режим там никакой не коммунистический и не социалистический. Демократии там тоже никогда не было, за исключением периода 1945–1946 гг., когда при оккупационном режиме были попытки демократизации. Но народ на протяжении многих веков жил сначала при феодализме, потом при японском колониальном господстве, потом при нынешнем «феодално-теократическом» режиме. Для ликвидации такого режима необходимо наличие третьего сословия. Третьего сословия в стране нет. Поэтому сейчас пытаться утверждать там права человека или даже вести разговор о правах человека совершенно бессмысленно.

Однако существует еще один аспект, который следует расценивать как внешнее вмешательство. Например, за последние два месяца Южная Корея направила в КНДР гуманитарный груз на 600 тыс. долларов (продукты и товары народного потребления) вместе с пропагандистской литературой. Это фактически подрывная работа против руководства страны. К тому же, если падет северокорейский режим, как рассчитывает нынешнее руководство Южной Кореи, эта часть страны войдет в состав Южной Кореи, и через год американские войска будут стоять на реке Туманган напротив берегов России. Китай, также выступая против этого вмешательства, фактически стал гарантом северокорейского режима. Политику России в отношении КНДР можно охарактеризовать как провальную, так как утрачены все рычаги влияния. К тому же товарооборот между Россией и КНДР незначителен – всего около 100 млн долларов. Как можно вести серьезные переговоры при таком объеме торговли?

Тем не менее надо иметь в виду, что хотя Россия и пытается сотрудничать с Северной Кореей, она не идет на уступки. Это происходит на фоне внешнеполитических успехов Юга. Это первая страна региона, которая приняла саммит «большой двадцатки» в Сеуле. Саммит имел большой успех. На этой волне Южная Корея даже указывала Китаю на то, что они приняли у себя Ким Чен Ира, в то время как северокорейцы затопили южнокорейский корвет «Чхонан». Южная Корея пытается активно действовать в области прав человека, создав Комитет по правам человека в КНДР, однако давно ли сама эта страна стала эталоном в данной области? Это напоминает двуличность преподавателей морального кодекса строителей коммунизма в СССР. Многие из них были не из тех, кто мог учить других морали. Они на меня произвели занятное впечат-

ление – казалось, что они все были в молодости очень грешными людьми, а на старости лет стали учить других как жить. Поэтому, если страна только что сама отошла от авторитаризма, от военного режима, следует подождать хотя бы два поколения, а потом пытаться учить других. Почему Россия никогда не пыталась кого-то учить демократии?

Еще одна примечательная деталь: именно в Южной Корее в XX в. был поставлен рекорд по пребыванию политических заключенных в местах лишения свободы. 45 лет тюремного заключения, из них то ли 20, то ли 30 лет в одиночной камере. Это не КНДР, это Южная Корея. Принцип очень простой. Если человек осужден за политическое преступление, то перед тем, как выйти на свободу, он должен подписать бумагу о том, что он осознал, изменился и лоялен режиму. Если заключенный не подписывает такую бумагу, то продолжает сидеть. Немало активистов, которые были арестованы еще в 1940-е годы после Корейской войны, до конца 1990-х годов находились в тюремном заключении.

В Корее действовал институт омбудсмена, но нынешний президент ликвидировал этот пост, создав вместо него Комитет по правам человека. Бывший омбудсмен был назначен председателем Комитета по правам человека. Президент подобрал на эту должность более лояльного человека, но фактически ничьи права он не защищает.

Модель универсализации прав человека представляет собой модель навязывания западной системы прав человека. Однако в идеале универсализация предполагает взятие чего-то из практики тех стран, которым «навязывают». Есть ли в Корее такие права, которыми она могла бы поделиться с мировым сообществом? До прав человека там очень далеко, как в европейском, так и в российском понимании.

Относительно универсализации прав человека можно сказать, что универсализации прав человека в том виде, в котором она должна быть, мы пока не видим. Если говорить в категориях «хэ» и «тун», то это попытка создать именно «тун», а не «хэ». То есть взять европейский тип общества с определенной ментальностью и распространить ее на всех. А тех, кто в это не вписывается, объявить «изменниками демократии».

Индонезия сейчас переживает период существования различных религий, а Корея последовательно пережила сначала ламаизм, потом буддизм, потом конфуцианство, после этого снова буддизм, навязанный японцами, а после этого – христианство. Численность христиан в Корее составляет сейчас 40%. И христианство в Южной Корее будет иметь тенденцию к расширению своего влияния. Если взять последних трех

президентов, то Ким Дэ Чжун – католик, Но Му Хён считает себя атеистом, но раньше заявлял, что он католик, нынешний президент Ли Мен Бак – протестант. Протестанты, особенно пресвитерианцы, пришли из Америки. В Корее очень велико влияние США, и в связи с тем, что это военно-политический союзник США, уровень элиты Кореи, получившей американское образование, выше, чем представителей других религиозных течений, например, буддистов. Кроме того, как новообращенные христиане корейцы обладают высокой миссионерской пассионарностью. Три года назад корейские проповедники действовали даже в Афганистане.

Корея последовательно проходит несколько господствующих религий, это уникальная страна, и при этом все они мирно уживаются, нет никаких противоречий, никто не смотрит, к какой религиозной конфессии принадлежит президент или другой политический деятель. Однако в обыденной жизни господствуют нормы конфуцианства и буддизма, а в общественной жизни – христианство, особенно протестантизм. В Южной Корее религиозная деятельность протестантов – это бизнес. Там 10% доходов надо отдавать в церковь, даже в том случае, если человек какое-то время участвовал в жизни церковной общины, а потом ушел из нее.

Глава 5. Права человека и проблема регионального лидерства Китая в Юго-Восточной Азии

М.В. Карпов, А.Ш. Кадырбаев, Е.В. Волчкова

Китай – самая крупная страна Юго-Восточной Азии. Она не нуждается в представлении, поскольку быстрее, чем мы думаем, может стать первой державой мира.

Следует несколько более рельефно высветить определенные вещи. Для Китая характерен приоритет коллективных ценностей над индивидуальными. Это отражено в традиционной правовой системе. Если мы возьмем право на жизнь, то оно существовало не в полной мере. Человек воспринимался как продолжатель собственного рода, он имел обязательства перед предками и перед потомками. Просто распоряжаться своей жизнью он не мог. Ампутировать себе руку или ногу невозможно, так как это неуважение перед предками, от которых человек получает тело в целостности и сохранности. Такое неуважение карается по закону. Закон в традиционном Китае выстроен таким образом, что он отсекает все неприемлемые с моральной точки зрения варианты действий. Мораль – это позитивное предписание, а закон – узко запретительный инструмент, отсекающий аморальный негатив. То же самое с собственностью: частной собственности никогда не существовало, то, что называется частной собственностью – это собственность семьи. С точки зрения традиционного права даже кража внутри семьи не считалась преступлением, потому что оттого, что человек достал вещь из одного кармана и переложил в другой, семейная собственность никак не изменилась. То же самое в части, касающейся наследственного права: нельзя было определить по завещанию, как имущество разделяется между сыновьями, потому что каждый сын имеет права на четко определенную долю в имуществе. Семья, коллектив – это та единица, о которой идет речь в традиционной культуре. Также это этническая группа, цеховой коллектив, землячество, но не индивидуальность. Поэтому XX в. – это время, когда коллективные связи постепенно дробятся. Во время войн и социальных катастроф люди меняют место жительства, рвут традиционные связи, земляческие и даже родственные.

Возьмем пример Мао Цзэдуна, который боролся с коллективизмом, уравнивая людей между собой – женщина и мужчина должны одеваться одинаково, нет разницы между умственным и физическим трудом, нет разницы в уровне профессиональной подготовки. Задача – выделить человека из коллектива и из всей системы конфуцианских связей оставить одну – между самим Мао Цзэдуном и всеми остальными. Культурная революция предполагала создание коммун. Личное имущество отбиралось, чтобы не было пространства для групповой социализации. Однако разрушить традиционную модель это не могло и привело, как мы сейчас видим, к возвращению традиционной ментальности. То есть права человека в Китае применимы только в той степени, в которой человек будет осознавать себя отдельной единицей. Это не так просто, потому что Китай – государство аграрное, доля городского населения ничтожно мала. Сейчас статистически оно выше, так как население агломераций вокруг больших городов было приравнено к городскому.

Без экскурса в историю невозможно представить себе современную ситуацию ни в одной стране. Для Китая это тем более справедливо, так как западные обозреватели в 1960-е годы, находясь в Китае, прекрасно знали язык, но не знали исторических сюжетов. Например, в ноябре 1965 г. в шанхайской газете «Вэньхуэй бао» была опубликована статья Яо Вэньюаня «О новой редакции исторической драмы “Разжалование Хай Жуя”», которая стала одним из первых событий культурной революции. Поэтому даже при коммунистическом режиме исторические, традиционные мотивы имели значение. Для понимания прав человека в Китае надо знать менталитет китайского народа, который формировался отнюдь не только на протяжении XX в. Это относится не только к Китаю, а ко всей восточноазиатской цивилизации – Корею, Вьетнаму, Индокитаю и т.д. Однако для Китая это наиболее характерно как для самой крупной страны региона.

При Мао Цзэдуне говорить о правах человека не приходилось, но после того, как в 1980-е годы начались преобразования, эта проблема должна была возникнуть. В контексте событий 1989 г. на площади Тяньаньмэнь этот вопрос поднимался в студенческой среде. Когда мы говорим о Китае, необходимо учитывать, что в мире существует три китайских государства – одно из них непризнанное, но фактически нормально существующее и без признания – это Китайская Республика на Тайване. Там реализуется если не западная модель, то чем-то похожая на японскую. Несмотря на основательную критику данной модели, со всеми ее восточными культурными особенностями – конфуцианством и традицион-

ным образом мышления японцев – она все же приближена к западной. Япония входит в «золотой миллиард». Даже в Южной Африке при режиме апартеида японцы были «почетными белыми», хотя в расовом отношении это конечно не так. На Тайване экономический уровень близок к японскому, при этом в последние двадцать лет, после ухода Цзян Цзинго, была воспринята западная система ценностей, в том числе и права человека.

Возьмем Сингапур – конечно, не в чистом виде китайское государство, государственным языками там являются малайский и тамильский, используются соответствующий флаг и другие государственные символы, но, тем не менее, 78% населения – китайцы. Ли Кван Ю начал с того, что ликвидировал коммунистов как «смутьянов» и ввел диктатуру. По прошествии определенного времени была введена парламентская форма правления. Конечно, следует отметить, что парламентская форма правления, упоминание прав человека в Конституции, специально введенный пост омбудсмена, отнюдь не означают реального прогресса в ситуации с правами человека.

Однако есть континентальный Китай, страна, вышедшая на второе место в мире после США, хотя ожидалось, что это произойдет только через 3–4 года. А через десять лет Китай американцев «догонит», хотя история непредсказуема и ничего нельзя предугадать заранее, особенно ввиду бурных потрясений, произошедших в мире в последнее время. В Китае, несмотря на бурное экономическое развитие, говорить о правах человека в западном понимании, да и в любом другом, в общем-то не приходится. Китайцы говорят о том, что западные модели не могут быть у них реализованы вследствие особого пути развития. Они очень активно отвечают на критику, с успехом блокируя попытки навязать что-либо извне. Хотя к Китаю предъявляется множество претензий по поводу прав человека, хотя бы по вопросу о политике ограничения рождаемости.

Что касается национальных меньшинств, то эта проблема также актуальна. Речь идет о двух группах национальных меньшинств: во-первых, это уйгуры, самый многочисленный мусульманский народ, проживающий в Восточном Туркестане. По данным КНР, их 8 млн человек, сами они считают, что их 10–12 млн. Это мало в масштабах численности населения Китая в целом, но они составляют 40% населения обширного Синьцзян-Уйгурского автономного района. Китай делится по национально-территориальному принципу, заимствованному у Советского Союза. Во-вторых, проблема Тибета. Китай, при всей своей мощи, эту проблему ре-

шить не может. Общественное мнение «золотого миллиарда» сейчас на стороне Тибета и уйгуров. Далай-Лама на Западе желанный гость, его принимает президент США, руководители других западных стран. Также его поддерживает Индия – третий центр силы: в стране проживают около 100 тыс. тибетцев. Тем более, они действуют ненасильственными методами. С уйгурами китайцам проще – они устраивают беспорядки, которые подавляются властями КНР. Тем не менее эту проблему тоже трудно решить.

Права человека тоже как бы неприменимы к этим регионам. Когда они вводят меры по ограничению рождаемости, на уйгуров они распространяются в меньшей степени. Если китайцам разрешается иметь одного ребенка в семье, то уйгурам – до трех. Причем в сельской местности данные ограничения вообще не соблюдаются. Были даже попытки принудительной стерилизации населения, названные властями КНР «эксцессом». Поэтому в национальных районах Китая, прежде всего в Синьцзяне и в Тибете, говорить о правах человека не приходится. Нельзя сводить все исключительно к политике китайского руководства, возлагая на него всю ответственность. Эти движения, называемые официальными властями «сепаратистскими», а этническими группами «национально-освободительными», тоже должны нести ответственность за форму своих выступлений.

Исторически сложилось так, что уйгурские организации возглавляют представители радикального ислама. Так было не всегда – в советское время они питали надежды на помощь СССР. Потом Россия сменила курс, заявив, что уйгурские организации являются сепаратистскими. Новообразованные страны Центральной Азии из страха перед Китаем помогают китайцам в борьбе с сепаратистскими движениями. Ответственность этих движений в том, что они склоняются к насильственным методам – беспорядки, взрывы, резня китайского населения. Это дает повод китайским властям блокировать заявления правозащитников на Западе, выступающих в защиту нацменьшинств. Интересно, что, несмотря на требование российского и китайского правительств о включении уйгурских организаций в список террористических, западные страны не включают их в этот список. Долгое время такая же политика реализовывалась в отношении террористических организаций чеченских и других сепаратистов, действующих на Северном Кавказе. Причина – возможность разыграть политическую карту. Неудивительно, что «под шлейфом» прав человека великие державы ведут свои игры, тем более Китай для США,

что бы там ни говорили, фактически «второй Советский Союз», т.е. главная угроза после распада СССР. Надо сказать, что уйгурская диаспора в Канаде, Европе и Турции ведет пропагандистскую работу против Китая. Не стоит думать, что Китай в национальных районах действует только террором. Он действует различными методами, тем не менее всегда есть соблазн перейти к насильственным мерам в силу того политического режима, который существует в стране. Однако власти пытаются развивать эти районы, хотя и боятся, потому что не знают, каковы будут издержки вложения средств в развитие Синьцзяна и других проблемных регионов.

У обеих сторон накопилось множество взаимных претензий. Этот процесс идет на фоне постоянной дискуссии о правах человека. Права человека там, несомненно, нарушаются, подчас не учитывается даже право на жизнь, ограничивается рождаемость и т.д. Несмотря на благую цель, подоплека здесь другая – дискурс прав человека используется в политических целях, для подрыва мощи Китая.

Что касается прав национальных меньшинств, то на бытовом уровне в Китае следят за этим. В армии реализуются специальные программы по предотвращению дедовщины и других форм дискриминации. Имеются льготы при поступлении в вузы, специальные квоты для национальных меньшинств. Почему же тогда правоприменительная практика в этой области вызывает недовольство?

Когда в 1949 г. к власти пришли коммунисты, Синьцзян де-юре был в составе Китая, но де-факто он был еще с начала XIX в. под управлением Российской империи, затем Советского Союза. И губернаторы Синьцзяна, будучи китайцами, практически не подчинялись центральному правительству Китая. Они даже при Сталине вступали в ВКП(б). Там были мусульманские восстания, но СССР помогал в их подавлении. И советский консул имел там больше власти, чем центральное правительство Китая, до и во время правления Чан Кайши. Когда пришли к власти коммунисты, был период, когда в регионе победила советская агентура. И было несколько вариантов: либо стать республикой в составе СССР, либо стать независимым просоветским государством, либо войти в состав Китая. Советское руководство решило так, потому что Китай в то время шел в фарватере общей политики, однако Сталин недооценил Китай. Великая держава могла только первое время идти в фарватере иностранной политики. То, что произошло потом во времена Хрущева, случилось бы рано или поздно. Хотя в Восточном Туркестане пришли к вла-

сти силы, ориентирующиеся на СССР, Советский Союз их практически «сдал». Лидеры были приглашены на Всекитайское собрание народных представителей, летели через территорию СССР и погибли где-то под Читой. После того как руководство Восточного Туркестана было обезглавлено, китайское руководство, бывшее ранее де-юре, к 1955 г. стало де-факто. Когда-то в Синьцзяне проживало всего 5% китайцев. За пятьдесят лет был изменен этнический баланс по советскому методу: коллективизация, освоение целинных земель и сопутствующее этому переселение привели к тому, что сейчас в Синьцзяне около 50% китайского населения. Естественно, этот процесс вел к национальным трениям. Тем не менее из пятнадцати заслуг Мао Цзэдуна выделяется то, что он «десять народов из числа национальных меньшинств сделал китайцами». В правящем аппарате Синьцзяна представлены все национальности, но они выражают волю не своих этносов, а центрального правительства Китая.

Китай – это излюбленная «мишень» правозащитников. Существует целый список нарушений – это и применение смертной казни, и ограничение рождаемости, и система исправительных лагерей, и проблемы Тибета и Синьцзяна. Глобальная проблема заключается в том, что китайское правительство не готово идти на какие-то компромиссы по ряду вопросов для того, чтобы сдержать возможность хаоса. Дестабилизировать ситуацию в Китае, используя проблематику прав человека, было бы достаточно легко. Студенческое движение, выступившее на площади Тяньаньмэнь в 1989 г., строилось по модели «Движения 4 мая» периода Республики (1919 г.) и воспринималось как аналог Культурной революции – те же студенты, то же массовое движение, та же угроза стабильности. Поэтому здесь очень трудно понять, до какой степени необходимо предпринимать меры, направленные на гармонизацию общества. Они действительно проводятся, но только на уровне развития регионов – прокладываются транспортные пути, создается система коммуникаций, открываются школы и т.д. Но основная идея в том, что все это должно осуществляться в контролируемом режиме. Кроме того, для осознания прав человека должна существовать приватная сфера. В Китае очень мало приватного пространства – небольшие квартиры, несколько поколений в одной семье, общежития институтов, учеба в читальных залах и коллективное принятие пищи. То есть какого-то пространства для свободы действий конкретного человека очень мало. На Тайване его неизмеримо

больше – существовать вне коллектива там можно довольно комфортно, в отличие от Китая.

Надо отдать должное руководству КНР, несмотря на то, что по всей стране проводится одна политика, в разных районах есть своя специфика. Гонконг был передан Китаю англичанами в 1999 г. с оговоркой, что там будут действовать определенные правила, в том числе гражданские свободы. Этот район был административно закрыт по внешнеполитическим причинам. Тем не менее определенные права человека как наследие англичан остались. Недавно проходили демонстрации протеста, и если в аналогичном случае на площади Тяньаньмэнь демонстрантов просто арестовывали, то в Гонконге этого не происходило ввиду особого административного статуса этой территории. Китайское правительство соблюдает эти соглашения. Гонконг, десятиллионный город, что, казалось бы, немного в контексте общей численности населения Китая, однако его экономическое значение огромно. Когда Гонконг вошел в состав Китая, ВВП Китая вырос на 20%. Эта экономическая подоплека и позволяет Гонконгу пользоваться большими правами. Хотя говорить о деятельности правозащитников там тоже не стоит, они не могут открыто действовать, как в Европе, но ситуация там все же иная, чем в континентальном Китае. Власти Китая еще осознают, что у Гонконга особые права.

Британский режим гораздо сильнее контролировал население Гонконга, чем это делают сейчас китайцы. Были установлены камеры слежения, прослушивались разговоры, проверялась почта, а когда пришли китайцы, они не смогли поддерживать контроль на таком уровне, поэтому уровень контроля даже снизился. Хотя формально территория передавалась в ведение авторитарного режима. Очень многие жители, в том числе этнические китайцы, уехали из Гонконга после его передачи Китаю, большая диаспора выходцев из Гонконга проживает в Лондоне. Несмотря на это, Гонконг уже долгое время живет по британскому праву, и эта традиция в соответствии с договором должна поддерживаться китайским руководством до 2050 г. Как будет дальше, неизвестно, но пока китайское правительство соблюдает договоренности.

Дискурс прав человека предполагает форсированное продвижение Китая к многопартийной системе. Этому препятствует тот факт, что в китайском обществе большой экономический разрыв, несмотря на то, что определенные реформы дали свои результаты. В городе была создана прослойка «среднего класса», но существует большое различие в уровне жизни

между городскими и сельскими жителями. В приморском Даляне выходцы из деревни работают в качестве гастарбайтеров. Китайское руководство делает многое, чтобы «подтянуть» деревню, но даже при наличии средств в Китае это не делается одновременно. Гигантская масса людей «давит» на структуры государства, поэтому эти проблемы тоже необходимо решать. Это вопрос времени. Если заставить китайское руководство форсировать введение в стране многопартийности и других атрибутов прав человека, то можно потерять контроль над страной. Тем более, что несколько таких примеров уже имели место. Китайское руководство заявляет о планах перехода к многопартийной системе, но экономическая ситуация пока не позволяет это сделать. В качестве примера берется Сингапур, где демократические институты введены после того, как страна вышла на определенный экономический уровень. Однако в Сингапуре население составляет всего 4 млн человек, управлять этой страной значительно легче. Поэтому в этих заявлениях есть рациональное зерно.

Говорить о правоприменительной практике в отношении уйгуров не приходится, так как эти районы закрыты. Иностранцу, чтобы поехать туда, требуется специальное разрешение. Если в другие районы Китая можно приезжать беспрепятственно, то там иностранцы находятся под неусыпным контролем, их маршруты должны оговариваться заранее. Что касается отношений между этносами, то китайцы тоже осуществляют национальную политику, в стране есть список национальных меньшинств.

Мао Цзэдун, по мнению китайцев, сделал для Китая 70% положительного и 30% отрицательного. В российском общественном мнении Мао Цзэдун считается одиозной фигурой из-за таких его деяний, как культурная революция или конфронтация с СССР. В Китае – нет. Хотя реформы провозгласил Дэн Сяопин, о нем никто не вспоминает. Везде портреты Мао Цзэдуна, мавзолей и т.д. Народ считает, что заслуги Мао выше заслуг Дэн Сяопина. Именно Мао Цзэдун, хотя и под эгидой иностранной идеологии, но объединил Китай. Да, там была нищета, но атомная бомба сделала Китай великой державой.

Что касается механизмов дестабилизации политической ситуации в Китае, то при Мао Цзэдуне таковым служила идеологическая конфронтация, т.е. перманентная революция, выражающаяся в борьбе между различными группировками. Культурная революция продемонстрировала весь негатив тотального хаоса – бездействие государственных и партийных органов, закрытие школ, отсутствие образования, т.е. организован-

ный и управляемый хаос. Дэн Сяопин боялся продолжения социальной нестабильности. Отсюда аккуратные формулировки в сторону Мао Цзэ-дуна, его портреты до сих пор водители машин вешают как обереги. Следствие этого же – осторожные идеологические заявления, оперативная экономическая политика при медленном изменении идеологии.

Ситуация в стране может очень быстро дестабилизироваться, если учитывать появление новых политических организаций и течений. Например, Фалуньгун. Это группа людей, которые имеют собственные религиозные представления и соответствующие практики, и вступают в конфликт с властями КНР. На выходе мы имеем огромную структуру в большом количестве стран мира, со значительным финансированием, и при этом абсолютно антикоммунистическую, направленную против Коммунистической партии Китая. Из небольшой религиозной организации они превратились в глобальную политическую структуру. Если открыть сайты, связанные с Фалуньгуном, то можно сразу не заметить, что это сайт религиозной организации, на сайтах просто освещаются события в Китае с критических позиций. На Западе практически в каждом городе можно натолкнуться на активистов, которые агитируют во всех американских чайна-таунах, и даже в Москве. Более того, примерно треть очень жестких антикитайских мифов, например о том, что в Китае национальная еда – это суп из нерожденных или только что родившихся младенцев, запущена представителями Фалуньгуна.

Российские алармисты заявляют, что президент России В.В. Путин отдал Китаю два острова, а 200 млн китайцев тайно живут в Сибири. Следует отметить, что остров Тарабаров и некоторые другие территории действительно были переданы КНР в 2005 г., и с этого времени при эксплуатации Хабаровского аэропорта Россия вынуждена платить китайцам, так как взлет и заход на посадку самолетов осуществляется над территорией КНР. Передача территорий вызвала неоднозначную реакцию в российском обществе. Несколько более бурную реакцию в китайском сегменте Интернета вызвала передача Цзян Цзэминем спорных территорий России. Китайские националисты даже называли Цзян Цзэмина «национальным предателем».

Глава 6. Традиция и восприятие концепта прав человека в Японии

С.А. Арутюнов, С.В. Гришачев, О.Н. Железняк

Права человека в Японии уважаются посмертно. При жизни они тоже уважаются, но посмертно больше. Так, человек имеет право на заупокойный культ, на культ предков, на то, чтобы его табличка находилась в буддийском алтаре его семьи. Не все японцы исповедуют буддизм, но большинство все-таки считает неприличным не иметь табличку предков вплоть до пятого колена у себя на домашнем алтаре. После пятого колена табличку относят в храм, там она торжественно сжигается, так что более пятого колена культ предков не производится. Но до пятого колена производится обязательно. У японца по существу нет права распорядиться прахом своих близких. Развезть прах над морем или рекой – уголовное преступление. Из этого правила есть исключение: если будет доказано, что человек завещал, чтобы с его прахом обошлись именно так.

Так что человек имеет посмертные права, вернее, его прах имеет определенные права, которые ограничивают права его наследников и преемников. Это еще одна культурная специфика Японии, на примере которой можно видеть, что нет прав человека вообще, любые права человека существуют в определенном рамочном оформлении и конкретной, локальной культуре.

Само понятие «права человека» – достаточно новое для Японии. Проект Конституции для Японии писали американские юристы. Она была принята в 1947 г., по ней японцы живут и сейчас. В главе 3, в ст. 11 прописано, что «народ беспрепятственно пользуется всеми основными правами человека. Эти основные права человека, гарантируемые народу настоящей Конституцией, предоставляются нынешнему и будущим поколениям в качестве нерушимых вечных прав». Далее дается список прав, предоставляемых в соответствии с Конституцией. Это избирательные права, право на возмещение ущерба, запрет рабства, свобода мысли, совести и религии, равноправие мужчин и женщин при вступлении в брак и т.д. В этой главе перечисляются все права человека.

Каким образом это было воспринято японским обществом при наличии традиций и обычаев, которые существуют и очень четко сохраняются в японском обществе? Например, «*татэ саякй*», вертикальное обще-

ство. Иерархическая структура японского общества до сих пор соблюдается и сохраняется. Такая система ограничений очень обширна и не до конца изучена, особенно в контексте прав людей по отношению друг к другу. Также играют роль другие системообразующие для японского общества понятия, хорошо описанные в книге Рут Бенедикт «Хризантема и меч».

Несмотря на то что японцам была предоставлена Конституция, в которой прописаны права человека, доминантой в японском обществе являются традиция и обычаи. Они живут согласно внутренним установкам, которые аккуратно и очень четко передаются из поколения в поколение, несмотря на процессы глобализации. Наоборот, чем сильнее глобализация, тем сильнее японское общество закрывается. Япония – очень закрытая страна. Есть японец и иностранец. И иностранец никогда не сможет стать японцем, сколько бы лет он там ни прожил. Что касается японского отношения к правам человека, то японцы пойдут навстречу, т.е. будут участвовать в каких-то проектах, в том, что мы называем «универсализацией» прав человека, будут приспосабливаться под новые реалии, но делать будут то, что делали и раньше, пытаясь адаптировать это к реалиям, которые существуют в стране.

Известно, что в Японии очень велика возрастная стратификация общества. Там есть университетские бунтари, которые выступают за ломку традиций и внедрение европейских стандартов, и где-то они ломаются. В некий период после выхода из высших учебных заведений и поступления на работу проявляется этот слом. Традиция проявляется даже в окраске волос. Некоторые японские студенты красят волосы в светлый цвет, потом перекрашивают волосы в связи с выходом на работу, где дресс-код, требования к одежде и к поведению. В институтские годы позволено больше вольностей.

Японское бунтарство, конечно, существует, но оно несколько формально. Степень этого бунтарства намного ниже, чем это можно себе представить. Достаточно посмотреть на группу российских фанатов, выходящих на матч «Спартак», и на группу японских фанатов, которые едут на футбольный матч, где на трибунах сидит от силы двести человек, и по взмаху руки «модератора» фанаты синхронно поддерживают свою команду. Эти движения синхронизированы и выучены заранее.

Еще один пример – демонстрации в Японии. Когда началась операция в Ираке, и в России, по сообщениям СМИ, американское посольство закидали банками с тушью, в Японии граждане тоже протестовали про-

тив ввода войск в Ирак. Собирались подписи против войны. Однако вели себя демонстранты (это были в основном студенты) вполне дисциплинированно.

Мы говорим об определенной роли бунтарей в Японии и Корее, но проблема заключается в том, что по конфуцианским канонам студентам бунтовать положено. Студенты – своего рода стражи морали и нравственности, они должны в определенной ситуации выходить на демонстрации и протестовать – это часть менталитета. Так же как школьник обязан усердно учиться, а выпускник – работать в фирме, студент обязан ходить на демонстрации и демонстрировать неконформизм, потому что так положено. В Корее вплоть до середины 1990-х годов левые студенческие организации очень жестко контролировали внутреннюю студенческую жизнь, вплоть до снятия студентов с занятий для участия в демонстрациях. Если студент хочет учиться, он будет порицаем общественным мнением.

Еще один пример из неполитической сферы. Это касается принятия чужой культурной традиции. Весной в Японии проходят мацури, религиозно-карнавальные действия при синтоистских храмах. Тогда группа энтузиастов, увлекающихся культурой Латинской Америки, устроила на улице подобие бразильского карнавала. 20–30 человек под бой барабанов прошли вокруг храма 300–400 метров. Таким образом, нет ощущения, что чужая культура глубоко воспринимается этими людьми.

Теперь рассмотрим проблему восприятия японцами европейских поведенческих моделей. Япония с середины XIX в. пытается примерить европейские одежды, это где-то получается, где-то нет. Можно сказать, что за последние 150 лет Япония трижды оказывалась перед проблемой выбора. Первый выбор был сделан в Эпоху Мэйдзи, когда было принято решение о модернизации по европейскому образцу. Иногда доходило до крайностей. Была заявлена цель создания колониальной империи. Вроде бы все в Эпоху Мэйдзи получилось – есть армия, флот, колонии и международное признание, были отменены неравноправные договоры. В конце 1920-х годов Великая депрессия, ударившая и по японской экономике, привела и к ментальному слому. Строительство империи привело к безработице, снижению цен и т.д. И Япония в 1930 – начале 1940-х годов предприняла попытку выстроить свой мир, построенный по японским принципам. И в середине 1940-х годов происходит очередной моральный слом, когда началось развитие по американскому сценарию. Сценарий был реализован вроде бы успешно, но последние 20–30 лет японская

экономика находится в состоянии стагнации. И это приводит мыслящих людей к очень тревожному вопросу о том, что же делать дальше. Параллельно все чаще приходится слышать, что люди устали от глобализации, пресытились абстрактными принципами.

Одновременно размываются основы японского менталитета, в нынешних молодых людях нет уже такого трудолюбия, как у их родителей, работавших по 12–14 часов в сутки. Они живут в домах своих родителей, но отдельно от них, родители стучатся к ним в комнату. Таким образом, элементы личной свободы приходят в нынешнюю Японию в несколько искаженном виде, изменяя картину в не совсем приемлемую сторону даже на взгляд иностранца. Это не лежит на поверхности, но с каждым годом становится заметнее. Однако ситуация такого мнимого «непочитания» родителей детьми может быть связана и с восприятием восточной модели поведения, согласно которой старший сын в роду — наследник, ему переходит все состояние, и мать воспринимает его как хозяина. Это не обязательно связано с американским влиянием, потому что в обыденной жизни японцев превалируют синтоистские традиции.

Послесловие

Мысль о правах человека – не только западная, она находит отражение в различных культурах. Так, для сборника «Права человека перед вызовами XXI века» Л.Р. Сюкияйнен написал текст, сравнив разные религии в контексте прав человека. Конечно, изначально это протестантская идея. В меньшей степени ее воспринял католицизм, еще в меньшей степени православие, и еще в меньшей степени – ислам. Такая постановка вопроса вполне возможна.

Очень важно, что понятие прав человека включает еще и право на неповиновение незаконному режиму. То есть это не только характеристика отношения к власти в государстве, но и инструмент его изменения. Неслучайно этот термин используется сейчас в Африке, потому что они считают, что могут восстать против режима, который их не удовлетворяет. Именно идея о правах человека, начиная с американской Декларации, провозглашает, что у людей имеется право выхода на изменение ситуации. Конечно, это противоречит консервативным идеям.

Права человека исходят из либерализма. Однако когда начинается разговор о соотношении прав и обязанностей, возникает критика с точки зрения либералов, которые полагают, что в оригинальной концепции есть только права человека и никаких обязанностей нет. «Наши права – это обязанности государства» – принцип многих правозащитников. Но на самом деле они заблуждаются, потому что сама концепция, согласно которой все равны в своих правах, возникла в Англии в конце XVIII в. В ней имелось в виду, что, во-первых речь идет о мужчинах, во-вторых, не обо всех, а лишь о богатых и образованных джентльменах, белых по определению. Ограничениями этим правам служили обязанности джентльмена. Когда эта концепция стала распространяться на всех, даже на тех, кто про обязанности и чувство долга даже не читал, возникли проблемы.

Можно не соглашаться с тем, что перечень прав человека прописан в документах. Сейчас возникает новое направление науки – наука прав человека, на стыке политологии, социологии и юриспруденции. В рамках этого направления создается научное сообщество.

Концепт прав человека создается на международном уровне, причем Россия участвует в его создании в минимальной степени. Вовлечение в эту дискуссию людей, обладающих информацией по разным регионам, очень важно. Результат можно будет увидеть после обработки собранной в ходе проекта информации. Однако уже сейчас можно сказать, что не

только специалисты в области прав человека имеют право участвовать в этой дискуссии – это ведет к однобокому обсуждению данной проблемы, что справедливо для любой области науки.

Восточное общество очень сложное. Дискуссия показала, что формальные представления о правах человека – это просто некая планка, ориентир, но в каждом регионе есть свои представления, унаследованные от своих культурных традиций. В рамках этих традиций есть определенный «люфт», по которому движутся представления о некоторых правах, возможностях и правилах поведения. Но с европейским представлением они связаны очень опосредованно. Другое дело, что, конечно, нужно их знать, более того, в рассмотренных нами странах есть определенные круги, знакомые с данными представлениями.

В любом случае, в каждом обществе своя шкала ценностей. Необходимо поставить вопрос о специфике представлений о правах человека в каждой из стран – это было бы большим вкладом в науку, в развитие нашей политической мысли и практики. Насколько различны европейские и азиатские представления о правах человека, можно судить по значению и ценности жизни человека, которая несравнима в Европе и в Азии. Каждый участник дискуссии представлял парадигму, согласно которой развивается общество изучаемой им страны. Но нам необходимо выявлять и специфику, и общие представления о нормах поведения. Потому что сами по себе субъективные права человека этим регионам чужды.

Препринт WP18/2011/03
Серия WP18
Права человека в современном мире

**Культурные аспекты и правоприменительная
практика в области прав человека
на Дальнем Востоке и в Юго-Восточной Азии**

Зав. редакцией оперативного выпуска *А.В. Заиченко*
Корректор *Е.Л. Качалова*
Технический редактор *Ю.Н. Петрина*

Отпечатано в типографии
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» с представленного оригинал-макета
Формат 60×84 $\frac{1}{16}$, Тираж 150 экз. Уч.-изд. л. 2,3
Усл. печ. л. 2,4. Заказ № . Изд. № 1364

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
125319, Москва, Кочновский проезд, 3
Типография Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»

Тел.: (499) 611-24-15

